

Н. А. Никитина

Музеефикационная эмпирика: рецепции и переработки

Глобальные процессы быстроменяющегося мира коснулись её самой консервативной компоненты – Музея, философия бытия которого, структурные закономерности, концептуальные основы вынуждены были эволюционировать с тем, чтобы выжить и достойно функционировать, репрезентируя себя в актуальном пространстве. Логика объективного и неостановимого процесса быстроменяющегося музея требует размышления и рефлексий. В культурном постмодернистском пространстве музей стал существенной проективной реальностью, успешно демонстрирующей, что нет «дел конченных», поскольку смерть ещё «не конец, а только начало» (Н.Бердяев). Музей по-прежнему является носителем памяти человечества, успешно доказывая, что каждая вещь может быть реальным или потенциальным экспонатом.

Произошедшая за последнее время «музеизация культуры» (Б.Парамонов) способствовала формированию «новой музеологии», стартовавшей в Канаде в 1980-е годы и вобравшей в себя концептуальные идеи «музея без стен» (А.Мальро), «музея-контекста» (П.Мейран), новации «экомuzeя» (Ж.А.Ривьер). «Новая музеология» способствовала выходу музея за границы традиционного формата и переходу к динамичной интеграции в окружающую среду. Современная музейная практика творчески ассимилировала в себе философские интенции М.Фуко, Ж.Деррида, Ж.Бодрийяра, Ж.Делеза, а также адаптировала методологические инновации М.Бахтина, Ю.Лотмана, Ч.С.Пирса.

В поиске самоидентификации литературно-мемориальные усадебные комплексы активно музеефицировали время, пространство и действие, смещая акценты с законченности на формируемость, с хронотопа на топохрон, с музея на его контекст. Михайловское, Спасское-Лутовиново, Мелихово, Ясная Поляна стали активно осваивать пространственную компоненту. Пространственная экспансия, охватившая литературно-мемориальные усадебные комплексы, опровергла архаичный взгляд на пространство как на некую факультативную мемориальную

ценность. С периферии оно амбициозно сместилось в центр, став базисной компонентой, своеобразным зеркалом, в котором отразилось современное состояние литературно-мемориальных усадебных комплексов.

Актуальные направления активно осваивают старинные усадебные комплексы. Музеефикация стремительно обживает локальные пространства, осваивает настоящее, «раздвигает» прежние хронотопические рамки мемориального контекста, обогащая его мемориальным действием. Появился качественно новый подход в музеефикации литературно-мемориальных усадебных комплексов, тяготеющий к целостной демонстрации ландшафта. Такая концепция, управляемая пространственной логикой, позволяет музею активно интегрироваться в окружающую среду. Полифония места поощряет к всестороннему раскрытию образа Мастера, сублимирующего в себе многовековую культуру. Музеефикация мемориальной среды вызвана, в первую очередь, культурологическим интересом к уникальной персоналии, являющейся субъектом культуры, наделённым особым субстанциональным смыслом и одновременно важным систематизирующим фактором культуры. Такой взгляд представляется наиболее соответствующим философии литературно-мемориальных музеев, пропускающих через музеефицируемый локус, словно через фильтр, меморируемую персоналию. Феномен личности Мастера, всесторонне изученный филологами, теологами, философами, культурологами, активно осмысливается музееведами и усадебоведами. Ведь его персоналия больше формулы великий писатель/поэт. Она не совсем адекватна традиционному вербальному био-библиографическому формату и требует всесторонней репрезентации «текста» жизни Мастера, коим является литературно-мемориальный усадебный комплекс.

Литературно-мемориальные усадебные комплексы активно переосмысливают свои территориальные границы, опираясь на концепцию «средового музея». Активное общение с пространством позволяет им по-новому позиционировать себя в качестве музея «вне стен», состоящего из мозаики мемориальных мест, наполненных смыслами и иерархическими отношениями. Мемориальный континуальный контекст представляет собой дихотомную систему (Центр–не–Центр), уникальную институцию, претендующую на роль культурно-экологического округа. Сформированный мегамузей является не просто скоплением

артефактов, а полицентричным территориальным сегментом, с ярко выраженными смысловыми доминантами и коммуникационными связями.

Репрезентируемые литературно-мемориальные усадебные комплексы являются геобиографией Мастера, его геофилософией, совокупностью образов земли, соотносительностью территории и гения. Способностью гениально мыслить Мастер был обязан своему географическому положению, либо лесному, либо лесостепному пространству. Эти топосы стали не просто местами его пребывания, но и «географией ума», где «мысль стала пространственно-географической, пространственно-географическим явлением или, по крайней мере, осознала себя таковой». Мысль Мастера «формируется» географическим усадебным пространством, она становится его формой. Иными словами, топос места «не просто даёт материю переменных местностей для истории как формы. Подобно пейзажу, она оказывается не только географией природы и человека, но и географией ума». Ландшафтные образы пронизывают усадебную культуру, придают ей неповторимость и уникальность, раскрывают историю Мастера. Осмысление мемориального пространства как метафизики территории, понимание конкретных пространственных образов создают предпосылки для представлений пространства Мастера в культуре. Крупные литературные пространства, как Русский Лес, Русская степь, благодаря Л.Н.Толстому, А.П.Чехову, И.С.Тургеневу пополнились ещё и Лесостепью. Пространство Мастера является местом элитогенеза, сформировавшим его художественный стиль. Выявление ареалов элитогенеза, анализ геобиографии Мастера, осмысление географических особенностей творчества, поиск географических реминисценций в художественных шедеврах, становится необходимой процедурой творческого исследования территориальных структур художественного пространства. Применение хроно-географического подхода, обоснованного исследователем Т.Хегерстрандом представляется актуальным в осуществляемых усадебных музеефикационных практиках.

Пространство Мастера – индивидуально, персонифицировано, пропитано его творческой субстанцией. Оно не является сплошным, представляет собой сумму кластеров, ареалов. Его таксономия (в отличие, от природного) не зонирована, поскольку оно мозаично. Тем не менее, роль Ясной Поляны, Михайловского, Мелихова, Спасского-Лутовинова, как ландшафтно-об-

разующих топосов, чрезвычайно велика. Организация «средового музея» происходит с опорой на несколько усадебных доминант, притягивающих к себе целую систему примыкающих хинтерландов. Каждый топос точечен и является контекстуальной единицей, фацией, минимальной, морфологической операциональной составляющей контекста мемориального пространства. Например, таких фаций в толстовском пространстве насчитывается десять. Их мемориальные границы порой не совпадают с географическими. Топосы обитания создали в сознании Мастера определённые образы земли, выработали точечный язык. Продолжительность его пребывания в одном и том же пространстве породила определённый геоэффект, нашедший отражение в нераздельности топоса с жизнью и творчеством Мастера. Музеефикационный контекст, включающий в себя дороги, пристанища, усадебные гнёзда, некую связующую субстанцию, предполагает максимальное сохранение образа Гения, хронотопическую «всюдность», как охарактеризовал подобное явление М.М.Бахтин. Реконструкция, консервация объектов, охрана мемориальных ландшафтов, совершенствование хозяйственной деятельности на основе усадебных традиций призвана, в конечном счёте, решить эту наиважнейшую задачу. Только, благодаря восстановлению всех вещественно-телесных и символических слагаемых, возможно наиболее полно прочувствовать творчество Мастера. Так, например, реконструкция «сиреневого леса» в Большом Пирогове или мельницы на пять поставов в Малом Пирогове позволит восполнить недостающую «страницу» в летописной репрезентации объёмно-пространственного мира памяти Л.Н. Толстого. Укоренение мемориальных мест происходит за счёт комплексного сбора разбросанных временем и обстоятельствами фрагментов целого. Комплексная музеефикация литературных мемориалов невозможна без возрождения поликонтекстуальной системы, её смысловых отношений с мемориальным ландшафтом – полиметричным и структурированным. Как справедливо отмечает Ю.А. Веденин, «культурный ландшафт становится базовым понятием, определяющим сам факт организации историко-культурных заповедников, объектом охраны и проектирования, предметом управления». С этим утверждением трудно не согласиться.

Музеефикация позволит упорядочить связи между мемориальными объектами, придать им пространственно-временную логику, семантическую ранжированность. Невозмож-

но сохранить первозданность Ясной Поляны, Михайловского, Мелихова, Спасского-Лутовинова, разрушая окружающий мемориальный контекст. Организация мегамузея способствует ревитализации пространства, сохранению мемориально-пространственного континуума. Это содействует восприятию мемориального ландшафта как единого пространства, объединённого смыслами и памятью. Музеефикация толстовских литературно-мемориальных усадебных комплексов в полном объёме раскрывает пространство и время, позволяя таким образом прикоснуться к Мастеру. Усадебное пространство представляет, по выражению Д.Н.Замятина, «экспериментальный культурный ландшафт, географические образы которого возникают и развиваются лишь как композитные, гибридные структуры или конструкции, построенные из заранее разно-масштабных, неравновеликих образов». Такое расширенное представление о мемориальной усадебной среде составляет магистральное направление эволюции музеефикационной деятельности Ясной Поляны, Мелихова, Спасского-Лутовинова. Интерпретация мемориального пространства предполагает достаточный уровень креативности, способствующий объединению мемориального наследия в единое целое. Каждый, отдельно взятый фрагмент географии Мастера локален, ограничен в своих возможностях, и только став частью мемориального пространства, он обретает хронос.

Литературно-мемориальные усадебные комплексы репрезентируют мемориальный топохрон, состоящий из суммы мемориальных объектов, связанных памятью о Мастере. Их музеефикация предполагает репрезентацию пространственно-временных фрагментов, унаследовавших усадебные традиции. В этом состоит, на наш взгляд, эффект мемориальной долговечности. Временные ритмы сформировали некий собирательный образ Спасского-Лутовинова и Михайловского, где каждый фрагмент идентифицируется с тем или иным периодом жизни Мастера. Каждый артефакт в средовом пространстве амбивалентен, являясь одновременно утилитарным и мемориальным. Памятный мир невозможно свести только лишь к экономическим или эстетическим характеристикам. Они важны в совокупности. Теоретически пространство Мастера необозримо: следы его пребывания сохранились во многих местах. Нас интересует

пространство, наиболее сильно обогащённое мемориальной рефлексией и вызывающее у посетителя память о Мастере.

Его геобиографию репрезентируют не только усадебное пространство, но и лесные, луговые урочища, являющиеся зонами культурного ландшафта. Многие урочища – лесные поляны, поросшие кустарником, глухие балки, дубовые или берёзовые рощи, овраги («верхи») с прихотливыми поворотами ручья на дне – также находили частое отражение в текстах Мастера. Их идентификация, чрезвычайно трудна из-за активной трансформации рельефа в тех или иных местах, бурного исчезновения топонимов в послевоенные десятилетия. Тем не менее, текстологический анализ текстов в сопоставлении с различными документальными, картографическими, иконографическими материалами и данными опросов старожилов может способствовать научно обоснованной и взвешенной комплексной музеефикации средового пространства.

«География ума» Мастера была сформирована отдельными пейзажами, конкретными фрагментами ландшафтов, сохранивших эмоционально-философское значение. «Открытые» или полностью «закрытые» пространства ландшафта – лес, сменявшийся широким лугом, сенокосной поляной или свежеспашанной пашней; ветвистая крона одинокого дерева на поляне, все эти традиционные элементы среднерусского пейзажа были органичной частью пейзажных композиций Мастера. В некоторых случаях достаточно конкретно фиксируется географическая принадлежность пейзажа, его деталей, которые потом служили основой для художественного текста. Детальные текстологические сопоставления могут дать точную «привязку» художественного пейзажа к действительным участкам мемориального ландшафта, создав определённые условия для его воссоздания в случаях произошедшей трансформации. Следует отметить, что мемориальный пейзаж является ценной знаковой системой средового пространства.

С классификацией мемориальных объектов по функционально-композиционным признакам связана градация объектов с точки зрения коэффициента приспособления. Степень использования памятника крайне сложно определить в привычном процентном исчислении, поскольку в данном случае выявляются самые разные ситуации и сочетания временных трансформаций. Несомненно, тщательное натурное исследование должно определить в каждом конкретном случае реальную сте-

пень музеефикации объекта. При этом акцент должен делаться на детальную характеристику утрат (или, напротив, сохранившихся фрагментов). Предварительные обследования и наблюдения дают возможность выделить основные характерные сочетания в сохранности памятников. В сельских поселениях можно выделить три подгруппы: 1) в результате бурных техногенных процессов ряд поселений фактически просто исчез, полностью утратив свой прежний облик, а подчас и топоним, поглощённый промышленно-городской зоной (прежние «Казначеевка», «Судаково», «Овсянниково», старые «Кочаки» и др.); 2) сельские образования, в которых, хотя и утеряна целостная типологическая узнаваемость, тем не менее, сохраняется фрагментарность старой среды или отдельные постройки толстовской эпохи («Мясоедово», «Пирогово», «Молоденки» и др.); 3) немногочисленные зоны, в которых целостно сохраняются типологические признаки прежней русской деревни лесостепной полосы (уцелевшие композиции сельских усадеб с их функциональной планировкой, планировочная структура села, сами крестьянские постройки с их строительно-стилевыми особенностями) («Горюшино», «Грумант»). Поместные усадебные комплексы оказались, как правило, разрушенными. Однако существуют единичные примеры относительно комплексной сохранности памятника («Молоденки»). Встречается также фрагментарная сохранность (Дом М.Н.Толстой в Малом Пирогове с остатками сада и остатки Дома С.Н.Толстого в Большом Пирогове с заросшим парком; Дом М.Н.Толстой в Покровском; фундаменты и цокольная часть Дома Дельвигов в Хитрово и др.).

Крестьянская усадьба – неперемнная пространственная слагаемая литературно-мемориальных усадебных комплексов, представленная группой памятников, наиболее обширной, если их рассматривать как аналого-этнографическую модель крестьянских построек времён Мастера. Избы, дровяные сараи, бани, ледники, сама функциональная композиция сельской усадьбы – всё это ещё встречается в памятных местах того или иного региона. Здесь сложность заключается в идентификации построек этого типа, непосредственно связанных с именем Мастера во многих сельских поселениях.

Музеефикация средового пространства предусматривает выделение пейзажных зон, панорамных точек, коммуникационных ландшафтных линий – дорог, троп, удобных для конных, экологических, пикниковых и прочих прогулок; обследование

территории с точки зрения качества места – репрезентативности ландшафта, характеризуемого с позиции типичности и особенности, ландшафтного разнообразия, его уникальности, привлекательности, «девственности», символической и идентификационной ценности, исследование резервов культурного слоя, изучение культурного наследия, в том числе народных промыслов, фолкспецифики, социофактов, ментифактов, артефактов (культурных традиций (язык, религия, мемориально-культурная специфика (мебель, утварь), современные креативные практики, связанные с традиционной и инновационной их спецификой, обследование состояния объектов культурного наследия с точки зрения их музеефикации). Фокальным узлом подобной музеефикации должна стать, безусловно, «Крапивна».

Образ Мастера долгое время ассоциировался, в основном, с одной единственной точкой земли – своей усадьбой. На самом деле, это не так. Необходимо за масштаб музеефикации принять весь комплекс памятных знаков, призванных раскрыть полисемичный мир Мастера. Пространственно-мемориальный опыт двойственен: он является одновременно географическим пространством и пространством памяти. Образ «средового музея» складывается из множества пространственных знаков, отражающих опыт самого Мастера. Он носит пространственно-географический, ацентричный, неиерархизированный характер. Мастер вдохновлялся самыми разнообразными географическими образами, и сама реальность в дискурсе Мастера становилась географической *ad hoc*. Современная музеефикация литературно-мемориальных усадебных комплексов активно осваивает аутентичное пространство, наращивает свой потенциал за счёт максимального освоения географии места.

Развитие отношений литературных мемориалов с подлинной средой рождает новый тип музея, призванного сыграть заметную роль в культурном возрождении региона. Создание системы культурной жизни региона на базе его культурно-исторической среды позволяет перейти от музея павильонного и ансамблевого типа к музею в среде, компонентами которого являются памятники природы и культуры, архитектурно-ландшафтные ансамбли, заповедники, парки, охранные зоны, традиционные и нетрадиционные занятия населения и т.д. Музей, таким образом, становится частью культурно-исторической среды, формой её функционирования в современном мире, местом, где история встречается с современностью.